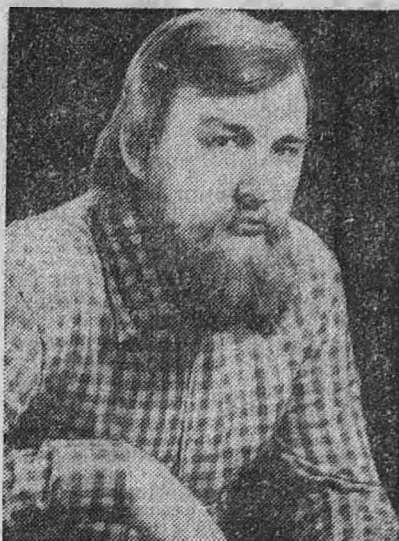

С УВАЖЕНИЕМ К БЫТУ

В спектакле ТЮЗа «Старый дом», оформленном С. Александровым, на первый план выдвигается единая установка с решетками, арочными проемами, мощно довлеющая над людьми, вросшая в их жизнь. Квартирные ячейки, которые выносит круг нам навстречу, раскрывают многомерность и добротность этого с виду целостного организма.

Чем интересно это оформление, так это тем, с какой ответственностью уживаются на сцене символические детали и бытовые подробности. К символам в современном оформлении мы давно привыкли, а вот быт долгое время был в небрежении, и это часто лишило спектакли внутренней убедительности.

Сергей Александров любит обставлять сцену мелочами, которые помогают актерам войти в игровую ткань спектакля. Часто эти детали (столы, буфеты, диваны) кажутся незаметными, но они многое говорят о характерах людей, дользующихся ими. В «Миллом Эпе» на массивном двухтумбовом письменном столе и удобном для работы и отдыха кресле как бы лежит отпечаток старой интеллигентной семьи, которой они принадлежат и в которой вырос юный герой. И мы сразу чувствуем ту атмосферу, которая повлияла на формирование интересов Эпа, о которых нам говорит электроустановка, портреты Пушкина и Эйштейна на стенах.

Символический подтекст, возникающий из сочетания бытовых деталей, то нарочито подчеркнут, то скрыт. Так, в спектакле «Салют динозаврам!» вынесенные на авансцену примерный столик и кораблик легко читаются как символы метаморфоз и окрыленности, а в «Старом доме» чердак с балками занавесками напоминает готовый к отплытию корабль с парусами, на котором мечтают о будущем молодые герои, пытавшиеся на нем отгородиться от натиска быта, окружающего их.

Современная сценография — та же режиссура, но на более абстрактном уровне; это осмысление сценического пространства и окружения героев, помогающее постановщику точнее воплотить его замысел. В этом стремлении С. Александров, может быть, порой и излишне иллюстрирует, что и демонстрирует, например, спектакль «Салют динозаврам!» по пьесе Г. Мамлина. Постепенно замкнутое пространство комнаты, где разыгрывается действие, раздвигается, и сквозь проемы в стенах становится обозреваем огромный мир людей. Так верно, но, может быть, несколько прямолинейно выражается мысль о сложном процессе перестройки внутреннего мира юного героя, о выходе его из тупика своих эгоцентристских представлений. В

«Миллом Эпе» воздушные змеи, создавая легкое и безмятежное настроение, в то же время знак детства, а саженьцы, обозначающие время года, символизируют молодую жизнь.

В последнем своем спектакле — «Аленьком цветочке» по сказке В. Аксакова, разделив сцену на мир людей и мир волшебных сил, художник, пожалуй, слишком прямолинейно подошел к их воплощению. Панно на порталах с цветами на белом фоне, крыльцо и резные наличники и радуга над волнами на занавесе, олицетворяя уют и добро, вступают в противоречие с мрачной роскошью дворца Чудьяца, дворца, в котором преобладает черный цвет, годный скорее для оформления символистской драмы, нагнетающей безысходность, чего и в помине нет в сказке Аксакова. Видимо, из желания создать таинственную атмосферу чудес, которыми полон дворец, художник вступил в противоречие с текстом сказки. Интересное оформление, не лишенное отдельных интересных моментов (яркие костюмы с использованием народных мотивов, применение вышивки для создания восточного колорита дворца), все же, на наш взгляд, не стало удачей молодого художника.

Оформив за короткое время четыре спектакля, Сергей Александров сумел не поддаться влиянию столь яркого собрата по профессии, как Т. Д. Дидишвили, с которым работает бок о бок в ТЮЗе. Он нашел свое собственное лицо, лицо художника, внимание которого обращено к конкретно-бытовой линии оформления, остро необходимой сегодня. Думается, С. Александров продолжит эту линию в своих последующих работах.

А. КЛУШИН.